

ВИТАЛИЙ ОРЕХОВ

**ЛЕТО
СТОЛЕТИЯ**

МОСКВА-2017

Виталий Орехов

Лето столетия

«Грифон»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Орехов В.

Лето столетия / В. Орехов — «Грифон», 2017

ISBN 978-5-98862-336-6

Середина 1930-х годов. Самое начало жаркого лета. Дачный посёлок в дальнем Подмоскowie. Настоящая летняя идиллия... Встречи, привычные и неожиданные. Любовь и предстоящая разлука. Разговоры о поисках смысла жизни – и детали быта, такие далёкие и узнаваемые... А где-то рядом неслышной поступью проходит судьба. Судьба страны – и судьба каждого из героев книги. Для кого-то – Удача, для многих – Немезида. Большого террора ещё нет, а в Москве готовится Первый съезд советских писателей... Дачный посёлок Вершки живёт своей жизнью. Любовь и Ненависть. Жизнь и Смерть. Высокое и Низкое. Реальность и Иллюзия. Запад и Восток. Лето столетия в разгаре. Какой же будет осень?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-336-6

© Орехов В., 2017
© Грифон, 2017

Содержание

Лето столетия	6
Часть I	6
Всё ещё только впереди	6
От Москвы до Вершков	7
Локомотив	9
Ну, вот и приехали	11
Наедине	12
В это же самое время	12
Муж Марьи Иосифовны	14
Не буду	15
Разыгрывалась самая настоящая драма	15
Проходя мимо домика	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виталий Орехов

Лето столетия

© В. Орехов, 2017

Лето столетия

Когда разрушены основания, что сделает праведник?
Пс., 10: 3

*Пока мы не потеряемся, пока мы не потеряем мир, мы не находим
себя и не понимаем, где мы. Я удалился в лес не поэтому.*
Генри Давид Торо. «Уолден, или Жизнь в лесу»

Pater Sancte, sic transit gloria mundi!
**Традиционный возглас кардинала во время церемонии вступления в
сан нового римского папы**

Часть I

Всё ещё только впереди

Всё ещё только впереди. И пепел, и огонь. И шум двигателей, и ракеты. И война, и слёзы. И звёзды, конечно.

А пока... стоял июнь. Жара. Лето! Отпуск решили провести все вместе. Лев Иванович сначала не был уверен, что получится у всех, не верил долго, но потом, когда в мае ему и Лиза сказала, что в Вершки приедет во второй половине июля, он успокоился. Хотя на самом деле больше за Семёнова переживал. Тяжело, мол, военные – люди несвободные, учения там всякие, РККА... Лев Иванович не очень знал, что такое РККА, но аббревиатура внушала ему внутреннее почтение. Хотя он военных не очень понимал и немного жалел, но не свысока, а по-отечески. Своих-то детей у Льва Ивановича не было. Ну как так не было... Не было, в общем. По бумагам...

Зато у Льва Ивановича была дача. Дача, конечно, принадлежала не ему, а Академии наук Союза ССР, но все уже давно знали, что дом 12 по улице Соломенной – дом Льва Ивановича Ниточкина, академика АН СССР и ВАСХНИЛ и виднейшего агротехника Советского Союза.

Как-то так получилось, что Вершки при распределении госдач не попали ни в одну из категорий. Это не были «военные» дачи, с которыми всё просто, по ранжиру. Не были они наркомовскими, не принадлежали и профсоюзам... Ни одно учреждение или предприятие, ни одно ведомство не смогло добиться для себя Вершков!

Дело в том, что постепенно под Москвой, как грибы после осеннего тёплого дождя, выросли дачные посёлки писателей, инженеров, военных и так далее. Не повезло только Вершкам. Два года новенькие дачки Вершков стояли нетронутые, то ли по недосмотру, то ли по сознательному вредительству, неизвестно. В любом случае на приятный взору район Вершки (бывшее село Рождественское) пытались положить глаз разные структуры, но всякий раз терпели неудачу за неудачей.

Неизвестно, кому пришло в голову смешать категории дачников, но идея понравилась всем, кому понравиться была должна, и так появилось новое садовое товарищество «Вершки». Ни к кому не приписанное полностью, только подачно. Например, дом 12 по улице Соломенной (единственной улице Вершков) был записан за Академией наук. Дом 14-й – за Московской

---

¹ Святой Отец, так проходит мирская слава (лат.).

филармонией, 15-й – за Наркоматом тяжёлой промышленности и так далее. В общем, как-то распределили дачи, и ещё заявки остались. Льву Ивановичу досталась 12-я госдача.

Лев Иванович дачу очень любил. Конечно, в ней всё было по-другому, чем во времена его детства. Так думал академик, вспоминая райский уголок, затерянный в Белоцерковской губернии, где он впервые познакомился со всей красотой флоры этого мира. Но что-то непередаваемое, томительно близкое к прошлому в его сотках было. Казалось, что и земля пахла так же, а когда июньское солнце согревало прорывавшиеся тёплые тюльпаны, он мог смотреть на них бесконечно. Что и говорить, к старости Лев Иванович становился сентиментальным. Он любил дачу, любил свою пожилую жену, любил жизнь и любил советскую власть. Почти за всё.

А ещё он любил своих соседей. Он искренне считал, что ему с ними очень повезло. Взять, к примеру, Лизу, одну из первых успешных советских аспиранток. Она не только благополучно защитила диссертацию, но и произвела сенсацию на Мировом симпозиуме по истории Понтийского царства в Стамбуле. Она сама перевела свой доклад на немецкий, и весь цвет мировой античной науки признал советского делегата Элайзу Шпак достойной заслуженной награды. Девчонке не было ещё и тридцати, а ей уже предложили читать лекции в университете Лозанны (по источниковедению Древней Греции) или начать преподавать в Сорбонне. А она отказалась, вежливо сославшись на важность работы в Крыму. Конечно, парижане и лозаннцы всё поняли правильно. А Лиза пусть не сразу, но получила дачу. Почему Лев Иванович так переживал за неё? Да просто в прошлом году она отправилась на всё лето в Крым, «копать древности», по её словам. Но сейчас её планы изменились, она написала из Ленинграда Льву Ивановичу, что в начале июня сможет быть в Вершках, а под Ялту уедет в середине сентября, когда погода не такая жаркая. У академика Ниточкина от сердца отлегло.

Насчёт остальных соседей он переживал гораздо меньше. Лев Иванович понадеялся на их честность и верность слову. Ещё в прошлом году он взял с каждого обещание, что дачники сделают всё, чтобы хотя бы часть отпуска провести в Вершках. Лев Иванович им верил. Сам он собирался выехать с женой на дачу в первый день лета.

От Москвы до Вершков

От Москвы до Вершков ехать было не очень близко. В начале тридцатых Наркомат путей сообщения провёл реконструкцию железных дорог на западном направлении: всё, включая насыпи, переложили заново. Новые немецкие рельсы, а шпалы наши, советские, ложились на проторённую дорогу легко, «мягко», как говорили путеукладчики. Прямо вдоль просеки прошла обновлённая старая дорога на Вершки, а затем – на Вязьму.

По Генплану развития путей сообщения столичного округа потом одноколейка должна была быть раздвоена и присоединена к магистральной линии Москва – Варшава. От неё к началу сороковых планировали вывести дополнительную колею на Ржев, Великие Луки, Псков и, возможно, дальше, на старый Ревель (так было записано в Генплане, хотя город уже лет десять назывался не иначе, как Таллин: злые языки утверждали, что просто царский план переписали из архивов, но им никто не верил). Паровоз с пятью вагонами ходил по одноколейке трижды в неделю летом и дважды зимой, для членов профсоюза путей сообщения проезд был почти бесплатный. Льву Ивановичу с супругой он стоил полтора рубля на каждого.

Как это бывает у стариков, сборы были долгими. Ещё в начале мая, как только сошёл последний снег, Лев Иванович просил свою жену Настасью Прокловну составить список вещей, которые бы они взяли. Настасья Прокловна уверенно утверждала, что всё держит в голове, но список всё-таки, втайне от Льва Ивановича, составила и по нему тихо собирала вещи. В принципе на даче всё необходимое было. Действительно, практически всё. От столовых приборов до простыней и наволочек. Более того, истопник товарищества должен был с

середины апреля регулярно подтапливать все домики, а в магазинчике при товариществе был огромный выбор: как говорили, от хомутов до водки...

Но Лев Иванович отчётливо (а может быть, так ему думалось) помнил переезды на лето в имение своих родителей. Тогда большой дворянский дом собирался долго и обстоятельно. Очень, очень давно он был ребёнком – Лёвой Ниточкиным, с которым гувернантки говорили по-французски... Но он, собираясь в Вершки, помнил всё так, будто всё это – та, другая, Россия – было вчера. Иногда хотелось, чтобы и в его доме, как когда-то давно, ещё до Империи-листической войны, звучал детский смех, а посуда гремела от пробежавших детских ножек. Но Лев Иванович знал, как никто, что всё проходит. Пройдёт и это.

Погода в Москве стояла прекрасная.

– Настенька, матушка, где мои очки? – спросил он у супруги, пока она заваривала чай в день выезда.

– Я всё уложила... Ох, Лёва, что же ты мне не веришь... – С возрастом у Настасьи Прокловны появилась старческая отдышка, и иногда, как, например, сейчас, ей тяжело было говорить.

Лев Иванович взглянул на свою пожилую супругу. Серый дорожный хлопчатобумажный костюм придавал ей солидность, будто она была депутатом или научным работником из академии. С возрастом видеть он стал хуже, но ощущал, как тепло она сердится. За столько лет совместной жизни он выучил, что, даже когда она бесконечно злилась на него, она никогда не позволяла проникнуть злу в своё сердце.

Настасья Прокловна действительно любила его. После всех испытаний она осталась с ним. Лев Иванович не знал будущего, но ему хватало жизненного опыта предвидеть, что супруга будет держаться своего мужа до конца жизни. Почему-то казалось, что он умрёт раньше, и ему по ночам, бывало, виделось, как Настасья Прокловна, уже сторбленная, с палочкой, в скромном старческом платке приходит к нему на могилу и кладёт красные гвоздики. Всегда красные гвоздики. И он просыпался. И, лёжа во тьме, ощущая рядом свою Настеньку, понимал, что хоть одну вещь в жизни точно сделал правильно. И ещё ему всегда хотелось, чтобы его могила была где-то в Вершках, хотя он и знал, что это почти невозможно.

– Лёва, присядем на дорожку, – почти приказала Настасья Прокловна.

Академик повиновался.

Они сели, глядя сначала на свои объёмные чемоданы, а затем – в последний раз на свою большую «академическую» квартиру у Смоленского рынка, и, направившись к лифту, спустились с третьего этажа на первый.

Конечно, внизу их уже ждал шофёр.

– *Авто подан*, товарищ академик! – залихватски выкрикнул Шура Соколов, один из водителей из нового гаража при Президиуме Академии наук. Он подскочил к супругам, сначала, как положено, выхватив чемодан у Настасьи Прокловны, а затем и у Льва Ивановича. Молодому и сильному шофёру показалось, что дорожные чемоданы заполнены едва ли наполовину – такие они были лёгкие.

Убрав оба чемодана в багажник, он открыл супругам задние двери своей чёрной автомашины, «А»-шки с серпом и молотом на капоте, и помог тучной Настасье Прокловне забраться. Лев Иванович от помощи отказался.

– На Белбалтийский, товарищ академик? – спросил громко Шура, когда автомобиль с грохотом уже тронулся по мостовой.

Услышав шофёра, Настасья Прокловна локтем толкнула мужа. Причина этого весьма болезненного для академика жеста была довольно проста. Вот уже месяц Настасья Прокловна уговаривала супруга воспользоваться одним из автомобилей Академии наук, чтобы доехать прямо до Вершков. Но – академик упорно сопротивлялся настойчивым просьбам жены, ссылаясь на дороговизну автокеросина.

– Настя, мы поедem до вокзала, а там – как обычно, – отвечал он ей ещё позавчера. Настасья Прокловна не отвечала, но сурово смотрела на мужа.

И в этот раз, не обратив на толчок абсолютно никакого внимания, хотя, как уже было сказано, он был довольно болезненным, академик громко сообщил водителю:

– Да, Шура, давайте до вокзала, как уговорились.

– Хм, – только и услышал Лев Иванович от своей жены, тайно надеясь, что это «хм» не услышал Шура.

– Будет сделано! – ответил водитель, не оборачиваясь, и, лихо обогнав упряжку лошадей при выезде на Новинский бульвар, погнал в сторону вокзала. Лев Иванович улыбнулся своей маленькой победе над упорством супруги. Так скромно, чтобы она не заметила его торжества.

Вообще, конечно, не об автокеросине для трудящихся заботился Лев Иванович, просто... Он бы и сам, наверное, не объяснил, почему не хотел ехать в Вершки на автомобиле. Как-то это «не то всё...». Он бы так и сказал своей супруге, но разве б она поняла? Лев Иванович заслужил в этом году отпуск, он многое сделал для страны, взять хотя бы его эксперимент с зерновыми – или срочную (за три недели!) правку последней монографии Пржеленского. Да он несколько частей, если не всё, переписал у этого задиралы из Аграрного института Комакадемии! И, конечно, тот даже не подумал поблагодарить! Нет уж, Ниточкины поедут отдыхать в Вершки на пару месяцев, пусть всё будет правильно.

Крупное здание Белорусско-Балтийского вокзала показалось за старыми купеческими домами улицы Горького, и Шура начал сбавлять скорость. Он подогнал таксомотор прямо к главному входу в здание вокзала, выключил двигатель и, скоро спустившись, приоткрыл заднюю пассажирскую дверь.

– Прошу, товарищ академик!

– Благодарствую, голубчик, – ответил Ниточкин.

Его жена спустилась со ступеньки молча.

– Ну, я поехал? – спросил Шура.

Настасья Прокловна последний раз с надеждой взглянула на мужа, но Лев Иванович был непреклонен.

– Бывайте, Шура! До встречи: если не вызовут, то увидимся в августе.

– До встречи, товарищ академик, – улыбнулся Шура, поправив на своей вихрастой голове кожаную кепку. – Хорошего отдыха!

Стремительно он забрался на сиденье водителя и был таков.

– Ну, голубушка, теперь пойдём к нашему локомотиву, – сказал Лев Иванович жене и подозвал носильщика. Тот поднял один чемодан. Затем второй. Академик было двинулся вперёд, но остановился.

Свою сумочку молча сжала в руках его жена.

– Я с тобой, Лёва, несколько минут разговаривать не буду. Ты мог сказать шофёру, чтобы мы поехали на автомашине. Тем более что нам это бесплатно.

Лев Иванович не стал напоминать супруге, что бесплатно это не им, а ему, а потому, торжествуя, взяв Настасью Прокловну под локоток, настойчиво повёл её через главный вход вслед за носильщиком. Вокруг бегали и суетились самые суетливые люди в этом мире – приезжие пассажиры поездов, конечным пунктом которых значилась Москва.

Локомотив

Локомотив. Академик Ниточкин почему-то очень любил это слово. Ло-ко-мо-тив! Слышалось что-то в его слогах невероятно совершенное, самое лучшее из того, что может сделать человек.

– Два билета на локомотив до Вершков, будьте любезны.

Лев Иванович и Настасья Прокловна благополучно купили билеты и с помощью носильщика определили, куда идти. По перрону они прошли без приключений и так же легко поднялись в поезд и нашли свои места в вагоне.

Настасья Прокловна только устала немножко, а потому купила у мальчишки газету, но отнюдь не для того, чтобы читать её. Свежему номеру «Труда» предстояло поработать веером. А потому передовая статья о гигантах машинной индустрии в Магнитогорске и Кузнецке оказалась смята и сложена в изящный веер гармошкой. Настасья Прокловна всё ещё с обидой смотрела на супруга. Тот делал вид, что не обращает на неё внимания, хотя прекрасно знал, что Настасья Прокловна злится. Уткнувшись в немецкое издание «Agrartechnik als Wissenschaft», Лев Иванович делал вид, что бегло читал готический шрифт. Для солидности он даже переводил страницы, смысл которых ускользал от него.

– Лев Иванович, ну полно-те дуться! – сдалась первая Настасья Прокловна.

За столько лет академик научился тонкому мастерству – не улыбаться торжествующе и ярко, когда жена его сдавалась. А торжествующе улыбнуться хотелось невероятно.

– Я и не дуюсь совсем, это ты со мной разговаривать не захотела, – примирительно заметил опытный семейный стратег.

В этот момент прозвучал гудок паровоза и локомотив тронулся. Но только Настасья Прокловна уже было решила, что ехать им предстоит вдвоём, как в тот момент, когда колёсные пары паровоза пришли в движение, в их отсек вошёл незнакомый никому из Ниточкиных самоуверенный человек с коротко стриженными светлыми волосами и лучезарной улыбкой.

– Доброе утро, страна! – почти как диктор Всесоюзного радио произнёс он.

Что-то промямлила Настасья Прокловна, Лев Иванович вежливо поклонился.

– Разрешите представиться, репортёр «Гудка»! Газета Наркомата путей сообщения, Москва, Яков Саулович Шмальков. Очень рад с вами познакомиться!

– Лев Иванович и Настасья Прокловна, – представился за двоих академик, не назвав почему-то своей фамилии.

Настасье Прокловне журналист «Гудка» не понравился.

– А для начала – обозначим тему. Как вы знаете, в конце лета состоится Первый съезд советских писателей. Вы, надеюсь, читали Максима Горького? – весомо объявил Шмальков и, по-хозяйски кинув блокнот на стол, уселся рядом с женой академика.

Воцарилось молчание – никто не отреагировал на вопрос о Горьком. Оно бы длилось ещё долго, если бы не появился контролёр. Лев Иванович с почти молодецкой готовностью протянул ему билетики, будучи несказанно рад возможности спастись от неловких вопросов. У Шмалькова билета не оказалось.

– Пройдёте со мной, товарищ, – сурово сказал контролёр, убедившись, что безбилетный пассажир не может предъявить редакционное удостоверение.

Не проронив ни слова, журналист «Гудка» Народного комиссариата путей сообщения взял блокнот и скрылся за дверью вместе с контролёром.

Настасья Прокловна удивлённо посмотрела на мужа. Тот ответил ей таким же взглядом. Несколько секунд прошло – и оба взорвались смехом.

– Что это было? – спросила Настасья Прокловна сквозь слёзы у мужа.

– Москва... «Гудок»... Наркомат... – не мог выговорить даже короткой фразы академик, заливаясь смехом. – Я не... Не знаю...

Вдоволь отсмеявшись, Лев Иванович сказал, что пойдёт прогуляться по вагону. Настасья Прокловна с готовностью отпустила мужа.

Когда тот удалился, Настасья Прокловна поглядела в окно. Первая станция медленно, но неумолимо приближалась к уютному уголку, где пристроилась супруга академика. Когда поезд остановился, Настасья Прокловна чётко видела, как два милиционера ведут Шмалькова вглубь станции. Она не знала – куда, но почему-то ей не стало смешно в этот раз.

Лев Иванович всё гулял туда-обратно по вагону. Мысли в его голове прыгали весёлыми кузнечиками. Правда, от журналиста «Гудка» они довольно скоро вернулись к тяжёлому «Agrartechnik als Wissenschaft». Том готических букв буквально вырос в голове учёного, и кузнечики перестали прыгать вокруг него, а смотрели на этот опус магнум маститого немца с почтением и трепетом. Проблема, которой была посвящена целая глава фолианта, была успешно решена академиком несколько лет назад, но Лев Иванович понимал, что решил её не полностью. Точнее, не совсем... В рамках новых подходов к сельхознаучполитике. Но он не мог сказать, что будет потом. Вот только немцы признавались в этом, а Лев Иванович признаться не мог.

Солнце, скрывшееся на несколько мгновений пузатыми облаками, вновь выглянуло, а вместе с ним появилась и Ольга Дмитриевна. Она зашла в вагон на станции. Лев Иванович сразу узнал её.

- Кудасова!
- Ниточкин!
- Соседушка!
- Сосед!

У Ольги Дмитриевны (заслуженного деятеля народного просвещения МосГорОНО) не было с собой вещей, она, как всегда, ехала одна и налегке, потому что её никак и ничем не заслуженный муж взял все вещи вчера вечером. Вот он вчера был нагружен, как навьюченный среднеазиатский вол. Ольге Дмитриевне повезло, у неё был очень податливый муж.

Правда, знакомые её мужа называли его поведение иначе.

Красная от жары Ольга Дмитриевна в цветастом платье кинулась облобызать своего соседа.

– А Настасья Прокловна где же? – первым делом спросила Кудасова.

– В вагоне! Пойдём, Ольга Дмитриевна, провожу тебя! – оживился Ниточкин. У соседей были добрые отношения, а Ольга Дмитриевна даже считала Настасью Прокловну своей подругой. Иногда, когда настроение было. Ольга Дмитриевна называла себя человеком настроения.

Правда, знакомые её мужа называли её поведение иначе.

Настасья Прокловна была рада видеть свою соседку. Оставив их вдвоём, Лев Иванович снова вышел. Несмотря на счастливый брак, он любил бывать один. А Ольгу Дмитриевну не очень любил. Поезд мчался в Вершки.

Ну, вот и приехали

– Ну, вот и приехали! Лев Иванович, дорогой! Вот и приехали! Давно уже пора было. А где же... А, Настасья Прокловна! Свет мой солнце, давайте я вам помогу.

Мужчина неопределённого возраста, но на вид ближе к сорока, встречал на станции Вершки-2 чету Ниточкиных с нескрываемой радостью. Собственно, это был староста посёлка, интеллигент и колхозник в одном лице, Иван Антонович Хвостырин, член партии с 1913 года. История о его появлении в стане большевиков была окутана большой тайной, хотя на самом деле Иван Антонович вступил в большевики на спор. В 16 лет многие же совершают по молодости всякие глупости, правда, не всем везёт так, как Хвостырину. Кто же знал, что большевики возьмут власть через четыре года, а он будет единственным членом партии в уезде!

Чем Хвостырин занимался до нэпа, никто не знал: говорили, что в Гражданскую он искупался в кровушке как следует. Но верить слухам – дело пустое. Известно, чем он занимался в настоящее время – встречал приезжих. Ниточкин ещё загодя послал телеграмму в сельсовет Вершков, в которых кроме Хвостырина верховодила ещё бабка Тонька. Бабка Тонька была неграмотной вдовой старухой, и никто, в том числе и Хвостырин, не знал, за какие заслуги она была поселена в Вершках. Когда Хвостырин один раз на декабрьском собрании сельского

совета заикнулся об этом, бабка Тонька что-то ответила, но Хвостырин не понял, что. Он переспросил, она переответила с тем же результатом. Больше Хвостырин с бабкой Тонькой не говорил. Жила она на пенсию и разводила кур и гусей.

– Свет Оленька Дмитриевна! И вы здесь! – Хвостырин сиял, как лампочка Ильича.

– Так! – Оленька Дмитриевна была раздосадована отсутствием своего мужа. – Где же мой супруг, Хвостырин? Не видел его? – Кудасова хотела здесь ввернуть какое-нибудь французское словцо, но на ум ей упорно приходила русская простонародная лексика.

– Да полноте, Оленька Дмитриевна! Так ведь Лёша же приехал наемдни, вот! Он устал, ждёт в вашей избушке, спит, наверное, вчера же весь день разбирался!

Для жены Лёши стало очевидно то, что, в общем, было правдой. Хвостырин вчерапил весь вечер и всю ночь с её мужем. Тут случайно дыхнул и Хвостырин, бормоча что-то, и сомнений у Ольги Дмитриевны не осталось.

– А кто уже приехал, Иван Антонович? – Лев Иванович спросил у Хвостырина, когда староста взял его вещи.

– Да почти все. Самый сезон! Такая земляника пошла... Вы на собрание-то вечером придёте?

Лев Иванович повернулся к Настасье Прокловне. Та вопросительно посмотрела на него, она явно не слышала, о чём говорил её муж с Хвостыриным.

– Придём, – утвердительно ответил академик.

Дальше шли молча. Ольга Дмитриевна, закипая от злости, плелась где-то в конце колонны, заполнившей старую тропинку от станции до товарищества.

Наедине

Наедине Ниточкины остались не сразу, Хвостырин, когда уже и дошли, долго ещё что-то рассказывал про обустройство дачного пляжа – что-то не особенно актуальное для академика. Когда наконец Лев Иванович и Настасья Прокловна остались наедине, супруги почувствовали, как они устали. С каждым годом поездка в Вершки давалась им ощутимо сложнее. Лев Иванович думал ненароком, что в следующем году придётся пойти на поводу у жены и взять авто от дома до дачи. Мысль была неприятной, и Лев Иванович отбросил её.

Несмотря на усталость, Настасья Прокловна нашла в себе силы обойти дачу и проверить, «всё ли на месте». В том, что всё было на месте, Лев Иванович не сомневался, а потому, переодевшись из дорожного в домашнее и взяв с трудом дающийся ему «Agrartechник», уселся в соломенное кресло на веранде.

Солнышко припекало, и от свежего воздуха, усталости, почти деревенских шумов, а также зоны низкого давления, установившегося над западной частью Московской области, Льва Ивановича клонило в сон. Готические буквы читались очень медленно, а смысл их ускользал процентов на девяносто... Лев Иванович боролся со сном, но сон был сильным противником, а академик – уставшим и старым. Как бы сейчас не помешал цикориевый напиток, который Лев Иванович принимал вместо кофиа! До вечера ещё так далеко... Академик заснул.

В это же самое время

В это же самое время, когда Лев Иванович боролся со сном, пытаясь одолеть великую силу Морфея, а Ольга Дмитриевна костерила на чём свет стоит вдрабадан пьяного своего мужа, неспособного и двух слов связать, красноармеец Семёнов только проснулся. Он лежал на тахте и тупо смотрел в синий потолок. Вставать не хотелось, голова болела, а делать было нечего. Оставалось только лежать.

Виктор думал о том, что можно прочесть ещё пару страниц истории коммунистического движения в странах буржуазии для экзамена в Военакадемии РККА имени Фрунзе, но зачем? До экзамена ещё так далеко, он его всё равно сдаст, а учебник написан так мудрёно и скучно, что от него можно сойти с ума. Виктор никогда не считал себя особенно умным, но он видел людей, общался с ними и понимал, насколько глупы все вокруг. Умным можно было бы и не становиться, если вокруг все такие глупцы.

Для чего же был написан учебник, Виктор не знал. Он протянул руку и ещё раз посмотрел на обложку. На ней Эжен Варлен выступал перед собранием Парижской коммуны. Авторы: А.Я. Мирзон и С.Я. Кац (Железный), Комполитиздат, 1932 год. Виктор закрыл книжку. Два еврея написали эту муть, чтобы известить род людской, это точно. Читать было решительно невозможно. Судя по свету, день клонился к вечеру. Это объясняло больную голову Виктора и его дурной настрой, ибо он прекрасно знал, сколь это скверно – просыпаться на закате. Один его друг говорил... Впрочем, неважно, Виктору сейчас было на это наплевать.

Ещё его немного беспокоило окружение. Военных Виктор прекрасно понимал. Здесь же, в Вершках, на этой госдаче, где он вынужденно оказался в заточении, военный был он один. Значился ещё краснофлотец какой-то, по списку, во всяком случае, но Виктор его никогда не видел. Кстати, о нём ничего никому известно не было, кроме того, что в декабре (почему в декабре? зачем в декабре?) он однажды приезжал, провёл в почти пустых Вершках неделю, и всё. Хвостырин решительно ничего сказать не мог, но делал вид, что что-то знал. Конечно, он ничего не знал, потому что весь декабрь мотался в Москву к знакомой ткачихе, а когда оставался здесь – пил. Запойным Хвостырин не был, но при случае пил много и хорошо.

Голова болела у Виктора, как будто он вчера как следует поддал, что было неправдой. Семёнов не пил с Монголии. То есть... Он попытался на пальцах посчитать. Получалось почти полгода. Он удивился сам себе. Гордиться или нет, он не знал. Просто забавный факт.

– Солдатик, проснулся? Я сейчас загляну.

Семёнову не нужно было много времени, чтобы сообразить, кто к нему стучался в окошко.

– Марья Иосифовна, я только прилёг отдохнуть, извините, я не буду ничего покупать у вас. – Виктор пытался имитировать сонный голос, но командная интонация стала его частью, поэтому ответил он громко и даже как-то грубо. Ему стало жалко старушку.

– Да я на секундочку.

Марья Иосифовна обошла дачу и открыла входную дверь. В последний момент Виктор пожалел, что не закрыл её на ключ. Но всё-таки успел закутаться по шею в одеяло.

В комнату (единственное, кроме веранды, помещение маленькой дачи Наркомата обороны в Вершках) вошла безобидная с виду старушка в синем платочке.

– Да не накрывайся, солдатик. Я ж видела, ты в униформе. – Марья Иосифовна, как всегда, рубила сплеча.

Семёнову пришлось подчиниться, и, признавая свою капитуляцию, он откинул одеяло. Как выяснилось, старушка была права, Семёнов действительно спал весь день в гимнастёрке. И всё же, пытаясь воззвать к совести старушки, он спросил:

– Вы что, подглядывали за мной?

– Что ты, что ты, да я просто мельком взглянула, гляжу – спит. Гляжу, гляжу – спит. А вот раз – и проснулся. Хорошо, я рядышком проходила, так бы пропустила, ты бы и усвистел, солдатик. Ну так чего? – Марья Иосифовна уставилась на Виктора своими бездонными светлыми глазами.

– Чего-чего? – переспросил Семёнов, хотя предмет разговора был ему давно известен.

– Ну... чего? Всего восемнадцать копеек, а вкусное, м-м-м! – Марья Иосифовна смотрела на упрямого дачника, изображая чувство невероятного блаженства.

– Марья Иосифовна, да не нужно мне ваше молоко! Я каждый день его пью в столовой! Я вам уж сто раз говорил. Молоко мне не нужно!

Старушка замахала руками, будто отгоняя слова красноармейца:

– Да что там в столовой, солдатик? Да что там в столовой? Всё уж кипячёное, сто раз перекипячённое, в ступе толчённое, в воде моченное. Лучше ты парного выпей глоток с утренней зари. Это ж на весь день тебе сила будет!

– Марья Иосифовна...

– ...а молочко у меня сладкое, Пеструшка – коровка ведёрная, мощная, только на клеверах. А зимой – на сене. Первый сорт молочко!

Виктор, преодолев отупение вечернего пробуждения, сел на диване.

– Марья Иосифовна. Я вам уже много раз говорил, что не люблю молоко. Ни парное, ни кипячёное, ни замороженное.

– А потому что ты, солдатик, настоящего парного не пил никогда. Хочешь, я тебе сперва так буду носить, ну недельку там, а потом, если понравится, договоримся?

Почему у Марьи Иосифовны обреталась в частном владении корова племенного завода, не знал никто. Марья Иосифовна жила не в Вершках, она, сколько себя помнила, обитала в Козодоеве – старой деревне за рекой. Марье Иосифовне было 67 лет. Крепостного права она не застала, но при случае могла поделиться красочными воспоминаниями. Случай однажды представился, и её рассказ (вместе с фото) появился на первой полосе «Крестьянской газеты».

После этого она стала местной достопримечательностью, и её никто не трогал. Умение вовремя уловить момент не раз выручало Марью Иосифовну: при ней шли войны, случались революции, происходили продразвёрстка, нэп, коллективизация, но всё это проходило как-то «мимо» Марьи Иосифовны. Самым дальним местом, до которого она добиралась из Козодоева, были Вершки. Это около семи километров. А ещё Марья Иосифовна была вдовой.

Муж Марьи Иосифовны

Муж Марьи Иосифовны считался без вести пропавшим на полях сражений Империалистической войны. Злые козодоевские языки поговаривали, что эта война и послужила причиной появления волшебной коровы, но наверняка, как было уже сказано, не знал никто. Из того, что её муж, как считалось, погиб в борьбе с германцами, можно было бы сделать вывод, что он-то оказался дальше Вершков, как минимум в Москве. Но на этом он не остановился.

Так уж вышло, что муж Марьи Иосифовны был зачислен в экспедиционный корпус для отправки на Западный фронт в помощь французскому правительству. Муж Марьи Иосифовны после Москвы видел и Самару, Уфу, Красноярск, и далее – на Восток, в составе экспедиционного корпуса, – Иркутск, Верхнеудинск. Затем он близко столкнулся с иностранцами в Харбине, поглядел на бескрайние морские просторы (впервые в жизни) в Дайрене, чуть вместе со всей ротой не отравился до смерти в Сайгоне. Катался на живых слонах на Цейлоне, помирал от жары в Адене, ждал очереди для французских транспортников перед Суэцким каналом и наконец вступил на землю в знаменитом Марселе, где подхватил гонореею от портовой проститутки Жаклин.

После этого корпус был переброшен на фронт, но муж Марьи Иосифовны ни разу не ходил в атаку (до него не дошла строевая очередь, так как он попал в госпиталь) и уже через несколько месяцев был снова переброшен в Грецию. Там ему воевать тоже не пришлось, потому что как раз к тому времени, как полк перебросили в Грецию, пандемический характер приобрели братания между солдатами Антанты и Четверного союза, офицеры не знали, как с этим бороться, а мужу Марьи Иосифовны очень нравилось обниматься с болгарскими братьями.

Он говорил, что понимает, «чего они там несут». Через восемь месяцев он и ещё с десяток солдат дезертировали. Больше их никто не видел. Интересный факт: в тот момент, когда Марья Иосифовна уговаривала Виктора покупать у неё по утрам молоко, её муж в Амстердаме наивыгоднейшим для себя образом сбывал поддельные гульденy в крупных суммах небольшой группе американских поэтов, окончательно решившихся перебраться в Европу. Русский к тому моменту он почти забыл.

Не буду

– Не буду, Марья Иосифовна, и не просите!

– Ну, солдатик, да ты же попробуй только...

– Марья Иосифовна! – Виктор встал. – Послушайте, я слышал, на этой неделе прибывает много дачников в Вершки. Может быть, к ним обратитесь? Городские из Москвы очень любят парное молоко. Я-то в деревне вырос.

– Ой ли? – Взгляд Марьи Иосифовны был более чем недоверчив. Она не верила ни тому, что никак не хотевший покупать молоко Семёнов из деревни, ни особенно тому, что скоро у неё появятся потенциальные покупатели.

– Точно-точно. И если сегодня-завтра никто из Москвы не приедет, я сам куплю у вас молоко!

Семёнов рисковал, делая такие опрометчивые заявления, но рекламная кампания (точнее, атака) старушки становилась невыносимой.

Ликующим взглядом Марья Иосифовна посмотрела на красноармейца:

– Вот это правильно, солдатик! Молодец!

Счастливая обладательница коровы слегка поклонилась и быстро ретировалась. «На станцию», – подумал Виктор, и, конечно, был прав. Он опять остался один.

Он провёл рукой по лицу, почувствовал грубую двухдневную щетину и пошёл бриться. Бритва его, как всегда, была уже наточена. Когда Семёнов вышел из дома, было уже пять часов, но голова проходить не собиралась. Чтобы как-то размять мышцы, он решил прогуляться по территории товарищества. Он потянулся на крылечке (весьма условном) собственной дачи и спустился в проулок. Боль в голове заставила его обещать, что он будет пытаться выдерживать режим. Неужели армейская дисциплина ничему его не научила?

Разыгрывалась самая настоящая драма

Разыгрывалась самая настоящая драма. Когда капитан выходил в чёрных юфтевых сапогах на центральную Соломенную улицу Вершков, в этот самый момент в домике номер 4 по той же улице разворачивалась даже не драма, а самая настоящая трагедия...

Надо сразу заметить, что Кудасову сложно было назвать темпераментной женщиной. Ольга Дмитриевна была одной из тех женщин, про которую говорят «сделала себя сама». Она происходила из самых низов общества (прямо совсем из самых низов, говорили, её мать отдавалась за еду при старом режиме, но, скорее всего, нагло ввали). Кроме того, Ольга Дмитриевна была замужем в третий раз. Когда Ольга Дмитриевна овдовела во второй раз, её будущий тогда ещё ей незнакомый муж Лёша был обычным алкоголиком. Ни от первого брака (с бедным почтарём из Пскова, ещё при Керенском), ни от второго (со смазливym, но образованным нэпманом) детей у неё не было. Оба её мужа умерли. Первый от тифа, второй – от чрезмерного увлечения наркотиками, которые доставались ему как-то на удивление легко. С таким реноме выйти замуж третий раз само по себе было бы удивительным достижением для, давайте честно признаемся, далеко не самой красивой женщины тридцати пяти лет. Но Кудасовой (к тому времени уже довольно успешному педагогу в Москве) удалось не только это. Ольга Дмитриевна

поступила так, как поступают бедные старушки на рынках, у которых нет денег на то, чтобы сходить в отдел гастрономии универсального магазина. Ольга Дмитриевна Кудасова, без пяти минут доктор педагогических наук, взяла «лежалый» товар.

Товаром был Лёша. Его фамилия и отчество перестали что-то значить довольно давно и довольно естественно. Как уже было сказано, Лёша был алкоголиком. Не по диплому, но по жизни и призванию. До того как встретить свою первую и последнюю любовь – Ольгу Дмитриевну, – с настоящим и искренним чувством Лёша делал только одно дело на Земле – пил. Лёша пил каждый раз так, как боги вкушали амброзию, причём уровень прикрытости его далеко не апolloновского тела зачастую был таким же.

Очевидно, что Лёша был холостяком. Но его это никогда не беспокоило. Его бы не беспокоило это ещё столько же лет, если бы не Ольга Дмитриевна. История их знакомства – это просьба поискать залежавшийся пяточок в рюмочной, куда Ольга Дмитриевна пришла пропустить стаканчик через сорок суток после похорон второго мужа. История пошлая, некрасивая и, в общем, весьма похабная, так что мы не будем её тут приводить. Скажем только, что наутро стыдно было обоим. Хотя Лёше чуть поменьше, конечно. Конечно, он же мужчина. Во всяком случае, он таковым сейчас себя считал.

Ольга Дмитриевна подошла к делу перевоспитания своего будущего (третьего) супруга со всей присущим ей педагогическим талантом. Не он, а она водила его в театры и на выставки. Не он, а она показала ему самые дорогие рестораны Москвы, куда заслуженный учитель Москвы мог попасть. И, как бывает почти у всех, не он, а она одевала его. Не в буквальном смысле, конечно, а концептуально. Но всё это мишура по сравнению с главным врагом Ольги Дмитриевны – давним другом Лёши, зелёным змием. Даже когда они встречались, Лёшины жалкие попытки скрыть запах перегара терпели фиаско всегда или почти всегда.

Ольга Дмитриевна, пусть не самая нежная женщина, но всё же женщина, научилась отличать запах перегара от портвейна, от куда более резкого перегара с сивушной беленькой. Но и в гневе своём она была непримирима. Она цепко держала Лёшу «на крючке», хотя и нервов ему потрепала немало. Друзья (собутельники в основном) Лёши не однажды спрашивали, что с ним стало. Что он нашёл в этой «бабе»? А Лёша бы сам не смог ответить. Театры он не очень любил. Выставки не любил откровенно. Но дело же не в этом, правильно? В общем, друзья решили, что Лёша пропал, а Ольга Дмитриевна была в полушаге от победы. Но, как часто в жизни и бывает, в полушаге она от неё и зависла. И, устав ждать, женила Лёшу на себе.

Но эти полшага постоянно давали о себе знать. То Лёша «задержится» на работе, а то и вовсе заночует на производстве. То... как сейчас. Ольга Дмитриевна не могла надолго оставить Лёшу одного, это было чревато. Но ещё вчера, с утра, он клялся супруге, что не будет пить. И, как бывало не раз и не раз ещё будет, он оказался не прав. Тяжёлое прошлое алкоголика так и осталось его вечной тенью. Ольга Дмитриевна не была готова мириться.

– Лёшка! Мать твою, сын, алкаш!

Совсем не педагогические термины звучали из уст заслуженного педагога. Из уст мужа заслуженного педагога звучало только грубое воркование после многочасового возлияния.

Неизвестно, каким образом, но Ольге Дмитриевне удалось поднять своего мужа на ноги.

– Оленька, – промямлил Лёша и виновато всхлипнул.

Взор Ольги Дмитриевны был непреклонен.

– Почему ты пил? Я могу тебе доверять? – Голос опытной учительницы тоже был суров.

– Да. Да, – ответил Лёша непонимающе на оба вопроса. Он был виноват, и знал это.

– Что да-да, Лёша?

– Да, – повторил Лёша, возможно, единственное слово, которое могло быть им осмыслено. Если бы его спросили, готов ли он навсегда переехать к индейцам Амазонки, Лёша, возможно, ответил бы так же.

Ольга Дмитриевна уже обратила внимание, что вещи не разобраны, а Лёша спал в ботинках. Не нужно было быть прокурором СССР, чтобы понять, что Лёша пить стал сразу, не успев войти в дом, едва сбросив вещи. И пил Лёша, конечно, не один. Хвостырин предусмотрительно, чуть проведив супругов Ниточкиных, ретировался и старался не попадаться Ольге Дмитриевне на глаза. И был прав, потому что нет ничего злее в этом мире, чем злая, в третий раз замужняя учительница, замужняя в этот раз за пьющим мужем. Хвостырин мог одним испугом и не отделаться.

Ольга Дмитриевна ругала мужа минут сорок точно. И ругала громко и зло. Так, что даже показавшиеся в окне добрые и хитрые глазки Марьи Иосифовны моментально смекнули, что время для рекламы молока её коровы не самое удачное. Однако солдатик оказался прав, новые покупатели прибыли. А значит, будут ещё. Осознав сей факт, Марья Иосифовна быстро исчезла, не будучи замеченной.

А Ольга Дмитриевна всё ругала мужа и ругала, и не могла насытиться своим гневом. Лёша принимал кару виновато и почти достойно. Почти – потому что, хотя внешне он и выглядел храбрым преступником перед плахой, не понимал он практически ничего.

Наконец, истощив супруга, Ольга Дмитриевна методично и последовательно перешла к практической стороне вопроса. День клонился к вечеру, а вещи были не разобраны, причём ещё со вчерашнего дня. Сейчас муж был ей противен, поэтому к тому, чтобы переодеть Лёшу в домашнее из походного, она даже не приступила, ибо трогать его не хотела. К чести Ольги Дмитриевны стоит сказать, что, ропща на мужа, она никогда не роптала на свою судьбу и себя. Она до последнего верила, что сможет добиться изменения поведения своего супруга. Она читала «Перековку» и верила в могучую силу дидактики. Но у неё была типичная женская слабость, несмотря на всю силу её характера – абсолютно ложная в своей сути, – что она изменит мужчину. Но если мужчина меняться не хочет (а сложно было найти мужчину, который не хочет меняться более, чем алкоголик-хроник, хотя и утверждает вечно обратное), то внешним воздействием его не сломить. Оставшиеся полшага и были следствием несломленности Лёши.

Когда Ольга Дмитриевна умолкла и приступила к раскладыванию вещей, Лёша всё так же продолжал стоять и смотреть добрыми, но ничего не смыслящими, виноватыми глазами на свою супругу. И если бы случилось чудо и в его голове родилась мысль, вопрос, что же он всё-таки нашёл в своей жене, он бы не смог на него ответить, даже будь самым большим гением и трезвенником Страны Советов.

Проходя мимо домика

Проходя мимо домика супругов, Семёнов приложил все усилия, чтобы не слышать, о чём в нём говорят, хотя и понял всё с первой секунды. Дальше за их дачей был домик аппаратчика из Наркомфина, одинокого и скучного, как многие мужчины-финансисты. Николая Чабрецова ждали со дня на день, но от него не ждали ничего нового, ничего экстраординарного. Но Лев Иванович всё равно вызвонил за две недели своего соседа по дачному посёлку, чтобы быть уверенным, что и он тоже подъедет.

Семёнов шёл дальше, чувствуя начинающиеся чуть ещё зябкие, но уже такие летние сумерки. Вечером ждали ещё одного поезда, но ни Лев Иванович, ни Хвостырин не знали, прибудет ли кто-нибудь с ним или нет. Только Марья Иосифовна зорко смотрела, заняв позицию за станционной насыпью. Как снайпер с мосинкой, она заняла удобное положение (села на свежий пенёк) и, почти незаметная, лишь отмахиваясь от мошкеры, выглядывала, сойдёт ли кто-нибудь на станции.

Как раз когда подходил вечерний поезд, освободился от послеполуденной дрёмы Лев Иванович. Он улыбнулся, поняв, что Вершки не были сном, а он действительно на даче. Что и говорить, академик очень любил летний отдых «у себя». Пока он спал, Настасья Прокловна

несколько раз проходила мимо, хотела чем-то его потревожить, но, как только она решалась подёргать рукой мужнино плечо, совесть останавливала её. Несмотря на столько прожитых совместно лет, Настасья Прокловна Ниточкина сохранила свои привычки первой, самой сильной влюблённости. И будить своего мужа она не могла только потому, что просто его любила, как старые жёны любят старых мужей.

Но стоило Льву Ивановичу проснуться, его жена появилась тут как тут.

– Лёва! Почему мы не взяли с собой мой платок? Ты же знаешь, как я его люблю!

Претензия, очевидно, была не по адресу, да и Настасья Прокловна это знала наверняка, но отсутствие платка расстраивало её больше, чем разумные доводы всего на свете.

– Ну откуда я знаю, где твой платок. Ты меня разбудила, – лениво потягиваясь, сказал Ниточкин.

– Неправда, я видела, что ты не спишь! – запротестовала жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.